

Александр Гордин

НОЧНОЙ ПРИЮТ

СТРАННИКОВ

Александр Гордин

Ночной приют странников

СТИХИ

Усолье-Сибирское

2007

Г5 Гордин А.И. Ночной приют странников. Стихи.
АНО СП. Усолье-Сибирское. 2007 – 60с.

© АНО «Сибирское партнерство». 2007

© Гордин А.И. 2007

От автора

«Ключом» к этому сборнику стихов можно назвать слово «странник».

В нем удивительным образом соединились несколько смыслов: страна, странствие, странность... Странник, на мой взгляд, это больше, чем человек. путешествующий по странам. Это человек познающий души разных людей, для которого передвижение в материальном пространстве не мыслимо без духовного, очищающего душу размышлениями, путешествия. В этом смысле мы все - странники, где бы этой на земле наше тело не обрело свой приют...

Это вторая книжка моих стихов. В нее вошли ночные вдохновения разных лет, до 1996 года, когда в творчестве, т.е. в настоящей жизни моей, кажется, произошли значительные изменения. Хорошо это или плохо – не знаю. Но в 1997 году я и мой лирический герой, уже стали другими.

Поэтому очень хотелось прочесть их такими, какими они были «до того», чтобы увидеть через их души приметы угасающего советского времени, более точно понять нас позднейших и, хоть частично, настоящих.

И еще. Сборник объединил циклы стихов, написанные в манере «поэтического сфумато», без жестких, контрастных образов, порой, с умеренным, порой, с рискованным смешением

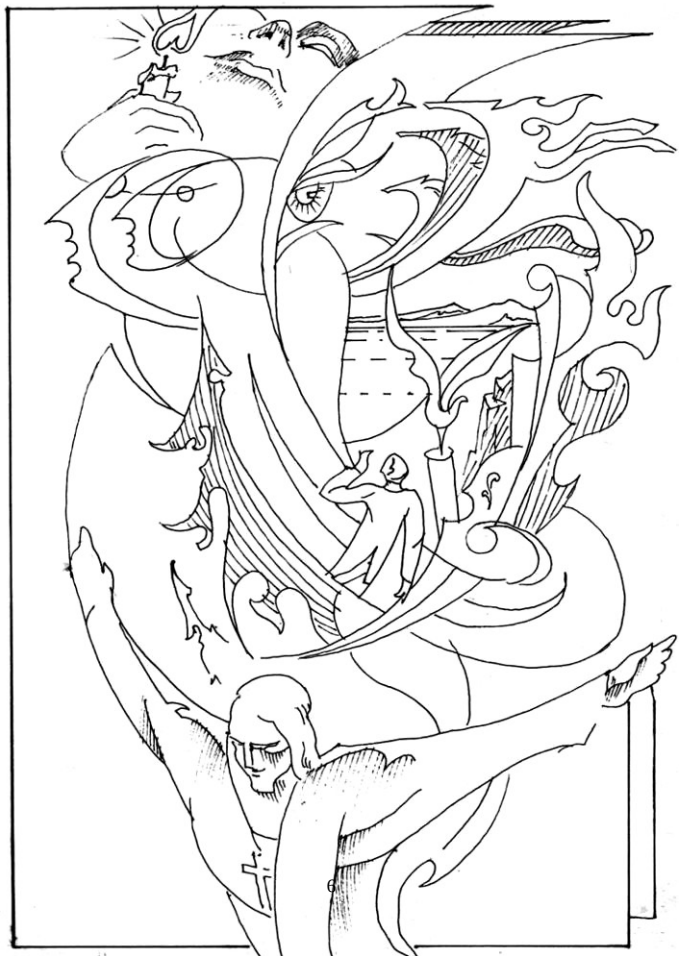
поэтических стилей и техники. Поэтому краски чувств и мыслей, покрыты некоторым «туманом», дымчатой пеленой недосказанности. Очень хотелось, помню, в тот период от читателя не сочувствия, а - сомыслия, не восторга, а - удивления, не брани, а - неравнодушия. Поэтому необходимы некоторые интеллектуальные и духовные усилия, чтобы увидеть, угадать ту жизнь, которая в них длится. Для того, чтобы быть не просто читателем, а сотворцом. Убежден и сейчас: умение читать – искусство, настоящее творчество, не менее трудное и увлекательное, чем, например, писать стихи.

Не все стихи этого периода были написаны в такой манере. Но это уже разговор о другой книжке...

А в эту вошли циклы стихов «Вкус соленых губ», «Вечерний друг», «Безустый евангелический петух» и «Ночной приют странником». Название последнего, определило имя книжки. В ней собраны стихи, которые посвящены любимой, друзьям и всем близким мне людям, которые в это время волею судьбы были рядом со мной и моим лирическим героем.

Благодарю за помощь в издании «Ночного приюта странников» технического редактора - Владимира Тихомирова и художников Геннадия Кузьмина, Сергея Соловьева, Владимира Быргазова и Юрия Скорнякова.

Александр Гордин

НОЧНОЙ ПРИЮТ СТРАННИКОВ

1

Опять я ранен строкой навывлет.
Раскрашен во дворе листвой асфальт.
С утра тепло, но к вечеру ветра намылят
Из неба облака и будет слякоть. Жаль...

И снова семенить за новым Моисеем:
Опять пророчеств корпус и петит,
И звездами наш путь в ночи усеян,
И капля солнца на ветру дрожит!

Ведунья осень! Загляни к нам в лица:
Я взгляд тревожный твой люблю!
Устали убивать. Устали и молиться –
Устами не отверзешь мглу!

И в кулаке зажав трояк измятый –
Купюру золотистых тополей –
Я пропиваю снова до зарплаты
Печаль прохладную сибирских дней.

И дико мне представить, что зимою
Мне слушать щелканье не только глухарей.
Но что могу я? – Комнату отмою,

Проветрю с улицы невинностью полей.

Из-под ладони погляжу на солнце,
Тускнеющие страхи в сумерки стряхну
Как крошки со стола. И добровольцем
Останусь поминать свою страну.

Где «меркнут знаки Зодиака»
И в душах – «Северо-Восток»,
Но где я счастлив был, однако,
По-человечески, как мог...

2

Я ненавижу быт! –
Избыток звучных сил
Простил мне лень и то, что я убит
Судьбы беззвучной погремушкой.
Что закусил,
Как лошадь удила, уздечку слова.
И снова мой наездник – сердце!
Когда распеться, словно
Неудержимо разреветься...

3

И вновь Восток меня зовет!
И – ассиметрия в пропорциях лица...

И среди книг, но – наизлет.
И в доме, но и – у крыльца.
Бреду отчаянно под флагом «Да!»
В неведомое каждый раз:
Иероглифы крапивного листа
Понятнее плакатных фраз.

Да, да... Все это – так старо!
Древнее улочек усольских, сей мотив:
Сегодня многоточий дождь и прочерки ветров,
А завтра осени тоскующий призыв.

О, солнце сентября! О, женщины ночной прилив!
О, плач! О, смех, того, кто в вечности затих!
Как мне, о боли дней забыв,
Войти в пространство душ других?!

Сегодня – празднества рабов!
Побасенки вельмож, ухмылки палачей!
Меня ж интересует прочность лбов,
Живущих философией своей...

Меня интересует этот день
Под паполоной облаков,
И шорох на земле их призрачных теней,
Как шорох, жухнувших в тетрадке слов...

Беспризорным собакам и кошкам,
Изучающим честно нас,
Неба надо совсем немножко,
Да два лучика добрых глаз.

По ночам, когда звезды погашены,
Солнце стынет у нас в окне,
Пред дверьми неприступными нашими
Они брошены нами во мгле.

Обморожены уши, опалена шерсть,
Незаконно рожденные дети,
Они так же хотят и тепла, и поесть,
Так же, как все живое на свете.

Совершенство их душ не понятно:
По законам инстинктов живя,
Длинноухому ветру лишь внятны,
Как загадки листвы их слова.

Чернорукие клены скоро
В бубны окон тревожно забьют,
И умрут лопухи под забором,
И жесток, станет ночи приют.

Не поэтому ль, сжавшись в комочек,

Часто вздрагиваем, когда в сны
К нам погреться, продрогшие очень,
Забредают и кошки и псы...

5

Я с листвою пришедшей на ветви.
Я – стеною живою – снег!
Я – в стадном дрожании мерзком...
Мёрзко в моей тихой клетке:
Ветка от Дерева Жизни – побег.

Я побег совершаю веский
От мумий вождей, от «истин» плакатов,
От хриплых речей, от книжного мрака,
От стоны, идущих ветру на встречу.
Учусь улыбаться от страха,
По звериному чуют и плакать,
Быть голодным и сытым от речи.

И вдруг понимаю, что все откровенья –
Из глаз моих вскрытых как вены...

Всю ночь напролет в нашей маленькой комнатке
Чайник урчит на плите.

Мы сбежали! - В стеклянном квартирном омуте,
Жизнь, как на школьном тетрадном листке.

Но, эмигрировав в лунные просеки,
Ртутью облитых в жилах снегов,
Мчимся и мчимся сквозь дерзкие проблески
Снов, и улыбок, и ласковых слов.

Плачем иль смехом застигнуты с вечера
Своих несмышленьшей – неба детей,
Вдруг, понимаем: сказать нам им нечего
О жизни и смерти своей.

Пространство тоскливое: серая лестница
В подъезде, а в комнате - восемь шагов,
Кривая ухмылка декабрьского месяца
И даль неоконченных строф!

Вот так продолжаем свою эмиграцию,
Когда, неизбежно, я – странник, ты – страж.
И, даже во сне, снова лужами клацая,
Вершим или «от», или «до» вояж!

Но лучше, все ж лучше! – Сквозь время песочное
Уйти, убежать, раствориться, что б жить!

Чем это, щемящее сердце безочье,
Средь липкой, петитом разбавленной лжи...
И пусть эмиграция! Со своей заграницею:
Собой заградиться – тебя оградить,
От всех слепышей, с потускневшими лицами,
Что в жмурках судьбы очень любят водить.

7

Я вам пишу под впечатлением Санкхья.
Мой дуализм, как «изм» любой – ограниченье.
Но эхо тихое, то ль неба, то ль стиха,
Рождает слов особое свеченье.
Хранимые душой, ранимые от глаз,
И в позах тополей, и в прозе городов,
Где романтично серебрится грязь
И жизнь короткая у башмаков, -
Я вам пишу! Как будто бы всерьез
Необходимо всем нам это позарез...
И снова «быть или не быть?» - вопрос,
Несущего свой крест.
Как будто можно «быть», когда обрубкам тел
Читает чрево лишь урок,

А ты - наполовину бел,
И дуло ищет твой висок.
Ведь Хронос – хор безумных птиц,
В их клювах столько южных звезд,
Что я всегда почти безлиц,
Когда их слушаю до слез.
Все дело в том (будь проклят я!),
Что угадал, как страшно нам...
И, в раздвоившемся вдруг смысле бытия,
Я телом здесь, душою – там...

8

Как солнечно и холодно одновременно.
Одновременна боль и радость.
Одновременны солнце и луна.
Одновременны время и пространство.
Как мне – одновременно!
И, непременно, в силе – слабость...
И не приемлю я без ночи дня.
И, может быть, одновременность нас,
Гранитных и живых
Предрешена? Кому крыло – душа,
Кому душа – крыло.
Кому и час – столетье,
Кому и вечность – час...
И бытие то ль – вздох, то ль – выдох:

Единство страшное,
Где зло
С лицом добра.
Где, сквозняком в груди - ветра!
Где вой и стон, на протяжении веков –
На протяжении моих мгновенных глаз...
Где сны мои, как кролики в огне!
Где вместо песни кандалов,
Порой черемухи рассказ,
Что, как в бреду – в цвету,
На растерзание – в весне!
Где стрелы стелятся в пыли
И сердце, сжатое в ладонях татарвы,
Придушено. А я, еще живой,
Гляжу, как вертится вдали
Волчок сентябрьской листвы.
И мир, готовый на покой,
В расширенных зрачках ночи,
Таит загадку звезд,
Как возрожденья. И вот
Вновь пульс дождя за окнами стучит!
Вновь очертания безумных грез,
Безумней у меня,
Чей разум – большеротый идиот!
И над полями, заключенными во времени,
Со мною вместе, вместе с чудаком Рембо,

Под крыльями невидимых, но сущих сфер,
Мы все – одновременные!
И жить, да жить нам! – Умереть слабо...

9

Уставшее небо спокойно. Беззвёздное.
Рассыпаны по снегу бусинки слез.
Печальными, черными гнёздами,
Мой город, загадочно каркнув, пророс!

Средь сумерек этих царящих: на улице,
В аллеях, в подъездах, в застывших глазах –
Прохожий, невольно, от смеха сутулится,
А страх зажигает ухмылку в устах...

И, в грустном безмолвии, очередь корчится!
Забор от листовок – испуган, щербат!
Но вот удивительно: жить все же хочется
И люди, как встарь, о любви говорят.

10

Слушатель ветра, послушник зари,
Стремниною вскормленных рек –
Словом себя раззадорь, разори!
Сделайся тихим как снег...
Листопада печаль на холсте сочини,
Песней наш город озвучь,
Где умирают и люди, и дни

16

Под покрывалом осенних туч.

Пусть раскрывают ставни глаза
Старых, усопших домов!
И шевелится на травах роса
От полчищ древесных жуков.
Пусть, сквозь черемух летучий дым,
И яблонь ранимый цвет –
Пишется золотом и голубым
Непредсказуемый бред!
О том, как рожденный в лесной тени,
Взлелеянный шелестом трав,
Бетонным склепам дождик бубнит
Свой зарифмованный страх.
О том, как живые еще жарки,
Теплятся среди берез,
Как свечи в церкви, а две руки
Горчат и от сладких слез...

11

Как знать, возможно, этот мир,
Безбожным став, безложным стал...
Но все же в небо смотрим мы,
Раздумывая: «Храм или вокзал?».

Пространство маленьких квартир –
Для странников ночных приют!
Здесь сердцем, каждый шаг и сир:
В нем птицы больше не поют...
И крестится ветвями клен
На наше образок окно.
«Вот, боги!» - думает, продрогший, он,
А мы – бескрылые давно...
Хотя и в ликах, почти псиных рож –
Светающей души, загадочный обман...
В стране, где снег и тот похож
На прах российской Ханаан.

1982-1990 г.г.

БЕЗУСТЫЙ ЕВАНГЕЛИЧЕСКИЙ ПЕТУХ

1

Тусклый свет нераскрытых цветков
На заре, когда все звезды выплаканы,
И обронено в небо весло,
И песчинки в часах просчитаны.

Остается чуть-чуть подождать
Беспокойной, усталой милостыни
И, еще чрез мгновение, стать
Горьковатой, таежной жимолостью...

1996 г.

2

Живительная влага зимних снов
Тайгу на сопках пропитала.
И сотни говорливых ручейков,
Из голоса тетеревов,
В ожившем лесе зазвучала.

Подснежники проснулись среди трав
И вербу осветили шмели.

Луна, в Байкал упав,
Явила миру снова сплав
Воды холодной и метели.

Торжественный березовый покой
Очнулся пламенем багульника.
И стало небо из листа – строкой.
Из белого – прозрачно голубой
В устах у Ангела разгульного.

5 мая 1996 года.

3

О.Г.

Ах, мандариновая нежность
Твоих ослепших губ!
Как восхитительна небрежность,
Забывших разум, рук.

Вино, мелодия туманов,
Оглохших окон чистота –
Ведем себя мы как-то странно,
Когда нас ищет нагота.

И я пуглив: сгорая, свечи
Мгновенье светят в темноте,
Так точно, тают твои плечи
В смеркающемся мне.

Такая радость исцеленья!
Такое счастье строк и строф,
Что пепел дней – бальзам к рождению,
Умерших было слов.

1995 г.

4

О.Г.

«Напиши обо мне – напиши.
Я – еще и, увы, я – уже.
Что-нибудь обо мне для души,
Хоть две строчки сейчас напиши.
Я не верю, что образ весны,
Можешь сразу создать ты для всех.
И не лги. Слишком краткие дни,
Слишком краткие ночи во сне.
Слишком ты углублен и ворчлив
И не видишь, как больно во тьме.
Я согласна, что жизнь – это миф.
Значит, должен он быть обо мне...».

Холодные ваши объятия
 Известны уже на зубок.
 Да, конечно, все люди – братья,
 Но любви мне надобно впрок.

Я, транжира нежнейших атласов,
 Презирующий слово «урок»!
 Подарите мне крылья страсти
 И меня не покинет Бог!

1994 г.

Акростих

Останься в строке сердец перестук! -
Любовью движется весна!
Едва коснешься, Оля, рук
И оживут мои уста!
Март звездною сверкнет волной,
А в сердце вздрогнет Юг.
Шали! Пока безустый мой
Евангелический петух...

1995 г.

7

Ожидание оживания
В дымке самых таинственных слов.
Очень, очень земное желание,
Вдруг срывает одежды покров.
Отстраненность какая-то странная,
Как отлет журавлей на Юг.
Мое тело совсем бездыханное:
Нет ни крыльев уже и не рук.
Только лава слепящего шепота,
Только ветер в устах и глазах...
Так из двух одного кто-то лепит,
Все, записывая на небесах.

1994 г.

8

О.Г.

Что нам выпавшим из времени
Капли звезд и капли слез?
Чья рука лежит на темени?
Чей там голос средь берез?
Это только все нам кажется:

Боль и радость, день и ночь...

Если любите – отважитесь
И на сына, и на дочь.
И окошко занавесите
Кипой детского белья.
Но придут во сне известия,
Кликнет небо и земля
И – очнется разум музыкой,
И – засветятся слова!
Мы взойдем дорогой узкою
В бесконечные себя!
Станет тихо и задумчиво.
Только ходики в углу,
Будут до смерти заученно
Бормотать: «Люблю, люблю...».

1994 г.

9

О.Г.

Пережить холодильника пустоту
можно. Но впустить в себя пустоту – не готов!
Если придется, вымолвлю, как вымолю:
- Милая, дай наготу

ощутить твоих слов! -

И я ноги твои перед сном нежно вымою...

Дай послушать ночного сверчка. Безумия
дай простоты! Чтобы наш разговор
был сплошным многоточием...

Оживи, заклинанием уст эту мумию:
забравшись в меня, словно вор,
она казаться всем мною хочет.

Знаю, трудная роль быть сиделкою
и стеречь мою речь
между готовкой и стиркой.

Только, как же еще от подделки
себя и других убересть,
когда каждый день под копирку?

30 апреля 1996 года.

10

О.Г.

Наше небо в апрельских лужах.
Оно льдинкою тает на наших ладонях.
Под панцирем тела ворочается слева.
Нам тупые мечи слов еще послужат,
ржавеющие в ножнах тетрадок сегодня.

Кровь рассветов уже не прольется слепо!

Мы верим в свое богатство:
в коченеющих пальцах
горсти снежинок, ворохи черновиков.
Наши любимые – гордые нищенки.
В огне поцелуев
варят похлебку скитальцам
до всех земель, до всех веков.
Мы государствам кажем дули.
На наших бумажных щитах
горящей империи клеть.
Мы непобедимы,
вооруженные желанием умереть...

1989 г

11

От темного в спальне угла,
До духотворной храмовой выси –
Ищем везде, исцеленье от зла
И добра, надеясь, что мыслим.

И, как мотыльки у кровавых свечей,
Лизнув огня, долго падаем в бездну:

Безнадежное скопище светлых людей,
Превратившихся в звезды...

1994 г.

12

Я, бренностью мира слегка упоенный,
Вышел из дома, чтоб ночь напролет,
Быть солнечным зайчиком невесомым,
Которому главное в жизни – полет!
Когда разноцветное чудо «АНГА»
(Усольских морожениц
ангельский взвод!),
Как сок экзотический манго,
Мороженое продает.
Когда, заблудившись во времени,
В коротких штанах, с сединой на висках,
Взбодрившись глотком золотого бренди,
Поэт укрощает стихами свой страх.
И, кажется, будто им Провиденье
На пересеченьях миров говорит.
А он, став невидимой, солнечной тенью,
Печально и нежно на Землю глядит...

1994 г.

13

Как скучно в душном теле поезда,

Где ночь угнездилась в купе,
В окнах – мелькание звездного пояса
И ты, как матрешка - сам в себе.

Стынет чай на дорожном столике.
Под подушкой томик стихов.
Так спиваются все алкоголики,
Кто от водки, а кто от слов.
Когда в быстрых экранах окон,
Промелькнет, то ли день, то ли «жись»,
А ты из мгновений весь хрупких соткан
И в октябрьских лужах – продрогшая высь.
Потом остановка. И «здравствуйте!» -
Тараканий кухонный бред,
Уже над мыслями блеклыми властвует,
А квартира – могильный склеп.
Только, изредка, ночью, гитара,
Как бредовая в стужу свирель,
Песню новую прокортавит,
Раздувая в душе метель.
Про то, как душно в теле поезда,
Как неуютно самому в себе:
Сердца не слышно! И очень боязно
В этом, летящем в бездну купе.

Владивосток – Иркутск, 1993 год.

Как легко потеряться и, став потерянным,
Обронить, как колечко себя,
В доме, бытом, где все соизмерено
И минут бестолковых гурьба,
Озверевшая, обеспамятев,
Водят дьявольский хоровод.
Кто-то в черном кричит: «Этот – занятый!»
Утро, ночь ли и вот...
Мчишь, по заданной им же параболе,
Подхваченный вихрем страстей...
И мечтаешь, что завтра пора бы
Стать внимательней и добрей.
Но, вдруг, взглядом твоим отрезвленный,
Как с похмелья, нагой, в простыне,
Просыпаюсь непобежденный
В чистой комнате. Муторно мне...
Но, и даже насквозь потерянный,
Обронивший в блужданиях себя,
Снова, глупо, в глаза твои верую,
Толи женщина, то ли судьба...

Во сне

Боль ушла, как уходят люди.
Вспышкой света – дробный аккорд!
Меня нет уже... Но я буду,
Когда звезды решат свой спор.
В бездне тают мысли и чувства.
Надо мной, золотится в огне,
Тело бывшее. Как грустно
И легко, одновременно, мне!
Словно в радужном калейдоскопе,
Уподобившийся лучу,
Мчусь сквозь дали в космическом скопе
И мелодией странной звучу.
Точно, встретившись с преисподнею,
Жар и хлад разделились во мне.
Не проснись я, наверно, сегодня
И увянут цветы на окне...
И ослепнет бесстыжее зеркало,
Только горсть запоздалых слов,
Будет долго в тетрадке меркнуть
В узелках непонятных строф.

1994 г.

16

Еще один отрезок! Еще одно мгновенье!
Я трезв и дерзок. Я глуп и нежен.
Под парусом листа – мое спасенье,
А в горстке пепла от него – надежда...

Готов к безумию: февральская усталость
Устами сахарными март залечит!
Отсталость только малость –
Упрямая глава Предтечи.

Иродиада знает толк в девичьих прелестях
И в лестях царедворцам...
Вино в бокалы налито: мы – вместе,
Еще мгновенье целое, под солнцем...

1994 г.

17

Цветок

Дрожь, зовущая меня в дождь!
Я, всегда, на перекрестках себя.
Солнце ладонью не трожь!

Пространство квартиры – моя судьба.
Если живешь на кухне,
То знает, лишь черный кот,

Что сердце твое потухнет,
Как только луна взойдет.
Что сны твои пахнут лесом
Далеких лазурных планет,
Но мучительно интересно,
Кто за стенкой живет.
Вижу глазами зелеными
Снова и снова во тьме,
Как на экране телевизионном,
Что предстоит в другой жизни мне.
Ведь хрупкое тело стебля –
Биологический приют,
А душа - из сияния сделана,
Невидимого тут...

1994 г.

19

Бесконечно, беспечно дыхание вольное –
Сквозь кроны деревьев из кристалликов глаз,
Глядят возвышенно и беспокойно
Окна, замерзших домов на нас.

Им наша летопись мало понятна:
Трамвайная трель, подзаборная брань.
Слова и взгляды звучат невнятно,
И, каждые двадцать минут, дело дрянь!
Казалось бы, выпорхнуть птицей в небо:
Бокал вина или бритвы глоток!
Но, чем сильнее стремишься в небыль,
Тем слаще жизни соленый сок...

24 декабря 1994 года.

ВЕЧЕРНИЙ ДРУГ

А.Семенову

*Товарищ мой, быть может ты и прав:
Зануда я и глуп, как пробка.
Хлещу настойки хитрых трав
Я вместо водки. Точка.
А завтра назло всем напьюсь! -
Водой ангарской из-под крана...
И прочитаю наизусть
Сонет-ответ себе же спьяну.*

1

Ю.Митькину

...

О, друг вечерний мой!
Запой речей окончен наш.
В нас – только блажь,
Творить Закон и дурь стихом!
Потом мы будем вспоминать с тобой
Слепой полет сей, как шабаш,
Как ералаш страстей и чувств разбой.

Ну, а пока шепчу «Memento more!».

Забудем ссоры. Забудем глупый день

И – в тень!

В тень от бесстыдных жизни глаз.

Без преукрас, посмотрим на себя, коль скоро,

Мы без шор! И звуков остывает звень.

И, звоны в каждом слове, как стоны. Наш час!

Он не печален черным. Хоть по плечу

Свечу гасить и зажигать. Мне кажется – лечу!

(Шепча светлейшие слова, рожденные в тени)

И, струйкой восковой, на небеса стекают дни...

...

А жизнь все та же:

Мажет сажей высоких дум

И, наобум, нам мстит проблемой мыла.

И, мило улыбнувшись, - мимо! Как же

Важно, мыслей страждя,

Бражить, писать в бреде

Чуть-чуть яснее бреда

О том, что очень просто было.

Вот вспышки хризантем парящих.

Вот машет ель ветвями словно

Старый ворон,

А ты как одинокий Ангел

С подраненным крылом
Глядишь в окно и видишь лица зрящих
(Не зря шаманский глаз!)

К тебе со всех сторон
Приходят люди, звери, птицы
И твой дом
Становится ковчегом и холстом.

И кто-то снова сердцем
Живо пишет.
А словом учит быть ласковой
И тише...

1990 г.

2

Р.Филиппову

...

Изнемогая от суетных мыслей
В Тупик тропинку протопчу,
Чтобы потрогать взглядом выси,
Чтоб прочитать стихи култукскому ручью.
Здесь гуси гордые забавно
Гуляют важно среди людей.
Здесь я открыл недавно,

Как пахнет горький сельдерей.
И мне послышалось раз ночью
Под звон стаканов за окном,
Как кто-то до зелья охочий
Стучал в окно своим ногтем.
Здесь столько живости приличной
Гуляет прямо по Лесной,
Что с каждым козлик публично
Обнялся б я! Да, Бог с тобой,
Хозяин этой благодати –
Поэт, а может, лесовик –
Прими в своем уединении, когда ты
Вдруг посетишь свой благодный Тупик.

...

Скользит рука по небосводу
На улице Лесной,
Когда в бегах от несвободы
Постылой городской.
И ароматом очарован
Кореньев, трав и слов.
Ночь к употреблению готова:
Сварганена из голосов
Радиоэфира, закусона
На стареньком столе,
Из соблюдения закона,

Что истина - в вине!
Но, если только бренди
Нас вводит в золотистый бред,

Готов признать: намедни
В гиене сгинет белый свет!
Нам душу жжет иная тайна,
И может быть, как знать,
Ее откроем мы нечаяно,
Когда приступим выпивать.

1995 г.

3

Усольским художникам

Приветствую вас, безнадежно живых,
Чей поиск печальный подобных себе –
Постылая жажда слепыми слепых
Кругами водить по судьбе!

Есть чаша с вином, а палитрою – мир!
Есть плеть, что похожа на кисть
И, на холсте засеченный кумир,
Словно Иисус повис...

Вам ли рассказывать: этот коллаж,

Сделан из нас и про нас!

Я не припомню, столь трепетных краж
В небо рассыпанных глаз...

А на Земле, снова слов запрет:
Формулы света и тьмы,
Пишем как будто единый портрет,
Но разными душами мы!

4

Друзьям поэтам

Коктебельские путники! –
За море, в небо ведущий след.
Ваши тропы – бес-путые –
Вещий, ранящий душу бред.

Возвышающее прозрение,
Когда досыта был слепым.
Когда даже любовь – затмение,
Что даровано лишь двоим!

Когда времени и пространства

Голод – холодное сердце жжет!
А стихов отцветающих пьянство –
Чтобы длился хмельной полет!

Когда липкое безразличие
Даже к грязным лохмотьям льнет,
А в глазах затаилось безличие
И удобного случая ждет...

Киммерийские сумерки длительны.
Дайте руку! – Вас ждет Самсон.
Все поэты ужасно мнительны:
Не хочу знать, что будет потом...

1993 г.

5

М.Аввакумовой

Вот и вы в меня не верите,
Милая моя... А мы, вдвоем,
Я с Востока, а вы с Севера,
В одиночество бредем.
Там снежинки убиенные,
Ленты черные дорог,
И глядит на мир антеннами
Стоквартирный супер-стог.

Смущены косноязычием,
И устали жить вы впрок?
Что же делать, коль обличием –
Белый Северо-восток!
Что же делать, соломоновы
Во грехе уста...
Тень Иовы строгая –
Посередь листа.
И, покуда не безочие,
Савл – у ваших ног!
Мое поле – одиночие,
Двадцать этих снежных строк...

1993 г.

6

О.Гординой

Мы разминулись, как день и ночь.
Слава Богу! – Разные на срезе
слова. Падают лица,
хранимые на живулечки улыбки. И – прочь
колченогие руки! Милые грезы! –
Занозы желаний, бескрылые птицы,
шевелиющийся во мне рассвет,
который тронет деревья после меня...
Он, как льдинка, растает на моем лбу,

ставшем землей. А, пока, я и ты – ветер!
И мне достаточно этого сна,
который записываю коротко: «Люблю...».

1990 г.

7

Искушение бесом

А.Семенову

...

Кто, с-трепетом из ночи встав,
в ста снах умеет отразиться,
вдовицей, сумерничая в крошечной тьме-тоске?!
Кто, на песке поэму записав,
воркует, словом, словно птица,
разбиться ищет гордую волну и, на листке,
стихотвореньем, и – вознесен, и – обречен?!
И кто, как челн во тьме кормой по Ангаре,
зарю навстречу, тычется душой слепой?!
Кого, раз-ученно, в безлучии, влечет
плечо подставить в октябре
под бред листвы, а сердце – под бред пивной?!
И вот, на тоненьких ногах «Авось!»,
талантливо-бессвязанно,
бормочешь осень, которая листвой
тебе рассказана...

...

Мне хотелось тебе записать просто ночь,
но невмочь! – Строки сыплются трелью гулкой!
На улку просится сердце!
А я держу его взаперти...
Запрети, мне писать эту морочь! -
Я, непрочь, поморочить барабашкиным стуком,
мукой льда, когда речка в его клетки...
Запрети, заходить в воскресенья стихов твоих!
Тих их голос. Он из светлых и темных полос.
Искушение словом словно искушение беса.
И - беса слушаю! Как слушают стены Трои!
Брови, так слушают милой.
Топор, так слушает тес...
Я хотел записать тебе просто ночь...
Но невмочь...

...

О, спился насмерть словом наспех!
О, боль берез, несущих меня дерзко вниз!
Простите, все – за детство!
Просите наше слово,

простывшее от одиночеств! На смех,
но – подымайте – нас (таков каприз!).
И поглядите в нас: готово,
там все, чтоб всем друзьям –
по чарочке, пьянящих строк!
И чтоб – гитара! И – голос «ля-минор».
И лоб горячий – в лед стекла! И – смех, и гам!
И чтоб, на утро, похмелья урок
от рукотворных глаз! И это, нет, не вздор!
Клепал бы я в себе и для себя, но –
горький пьяница:
пить в одиночку звуки не могу.
Давай стихом вспомняемся?!

...

Вот и первый дождь пришел на улицу.
Сутулится ночь в моем окне.
Мне не спится в комнате,
замкнутой как кольцо.
Лицо склоняю, как склоняют флаги.
На все – дулится!
Дулится моей руке,
в тоске, растущей прямо из сердца!
Колесо неба, вращается все быстрее.
Трели капли, сменяются трелями

обалдевших воробьев.
И – клев листьев на удочку фонаря!
И заря уже на небе тлеет.
Мелеют асфальтовые зеркала.
В ладоши бьет
уродец-ветер, шурша тельцами газет до утра.
Мутота мыслей сменяется стеклянностью чувств.
И – ногой, как безногий. Люди шарахаются.
Ну, и пусть!

...

И что им до того, что мы друг друга лепим!
Ответим голубиной и ребячьей воркотне: «Да!».
Всегда сильные – должны разбиваться сами...
Со мной деревья взгрустнут, и, нелепо,
Лето – то же, некстати... Зазвучит лебеда!
Беда не беда, ее скрипки стеблей, -
в унисон с небесами!
Чтож, дожужим свой кулич, в надежде на Пасху:
маски, снимут, кому разрешено – гласность!
Всласть вымолчусь, как будто выматерюсь.
И – выплююсь, носом уткнувшись в тьмы рясу.
Рясного утра стеклышко – ясность
подарит. И, втихомолку, краснеющее солнце
выматерееет.

Кто же там прошептал: «Прощай?» -
Просто, мы стали одним облаком невзначай...

...

Что ж, дружище, и я до-бываю!
И до-буду, раньше, чем ты...
Не бывает дома меня, когда дома я.
Оля сердится.
В сердце ей прилетают: листочек измятой тучи,
строчки-молнии, метафоры - увядших цветы...
У суеты я эти крохи добываю, хоть не добытчик.
Птицей, зверицей, тенью, эхом, стоном –
до-бываю! И этим я измучен...
Но этим же – до сердца милой доплываю.
И, допивая с доньшка горький глоток лета,
я до-певаю!
Кто просит этого? - Никто!
Но мне судьба другая –
нудна! «Люби, но не уби!» -
шептать не буду, знаю!
И не гадаю: пущай в случайное уносит!

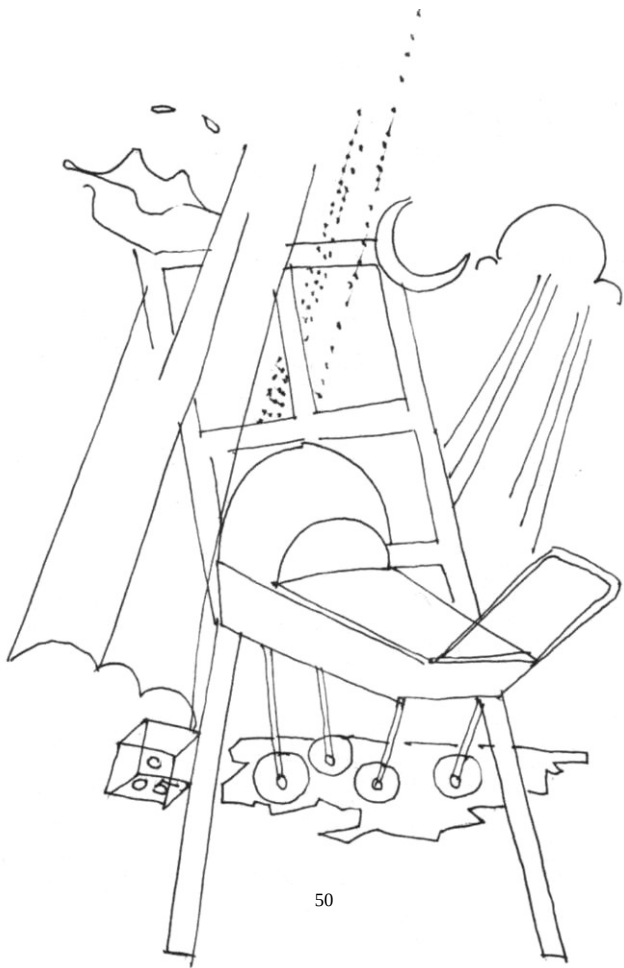
Обидно, что я трезв от слов бываю.
Ведь мы добыча и до-бытчики,
а время ставит нас в любви ежовые кавычки...

...

И снова заговор от «А» до «Я».
Моя стихия – темный лес словес:
бес водит дерзкою рукой и – заговор!
И – за город! И – за горы!
Себя растратить не тая!
Растаять в лютом декабре! Балбес...
«Умре!» - пророчат. Хватают за бородь.
Но завтра и сегодня всё одно –
костер иль одиночье! –
Точно корчится в огне...
По мне, уж лучше слов...
Не быть свистком, а стать свирелью.
И – рукоделье слов! И – лиц бесточие!
И – очи вместо глаз! Коль, истина в вине -
в стране без странников, без странных -
горькое похмелье...

По хмелю, по безумию – тоска!
По тайне – ностальгия...
Не нищенка ль без нас была б Россия?..

1990 г.

ВКУС СОЛЕННЫХ ГУБ

О.Г.

1

Четвертый год весною одурачен.
Спешит трава сквозь талую листву.
И плюнуть против ветра мне слабо.
Слабо влюбиться на удачу.
Себя ночами не зову
в стране цивилизованных рабов.
Слабо коснуться полотна
чистойшей незапятнанной души.
И в клетках роц березовых
пою. О, выпил я до дна
свой день. Но платье милой зашуршит
и в пальцах оживают грозы...

2

Сирень и ливень. Вкус соленых губ.
И вздохи лыв под вольными ногами.
И серый холст окна, а там

мы у художника в гостях и, на бегу,
весна роняет между нами:
кусочки солнца, птичий гам,
кленовые растрепанные тени,
кудахтанье грозы,
рассказанное ливнем.
И не любить мы не могли...
И вот – мое стихотворение.
Оно, как вихрь мазков вблизи,
что дразнит строгость линий.
Но ты возьми его: пространство лет
прекрасней сделают лишь твой портрет!

3

Пусть неслух слов.
Пусть неслух мысли.
А май – с беспечным томиком тебя в руках!
Я вслух читаю не назло
и первые рукописи листьев,
и боль, и радость, затаенные в глазах.
И знаю: здесь, за поворотом,
из кухни в комнату, от люльки до плиты,
живут и скрипы половиц,
и плач малышей наших. Кто-то,
спасая нас от суеты,

к нам лица птиц приворожил.
И, крылья сложив,
мы думаем, что полетим еще, быть может...

4

Из горла улицы сочится рассвет.
Лезвие ресниц у моих губ.
Я двойку ставлю вновь весне.
Наверно, глуп. Наверно, груб.
Но что же делать, если в клюве
у воробья пушинка солнца,
считалка «любит иль не любит» -
уже других бессонница.
Нет! Мне в привычку не вменить
сквозняк лица! Пусть снова осень
в ладье луны меня кружит
и через ночь к тебе уносит.

5

С моей милой ночью
горяча и мгновенна, как выдох.
Мне так мало ее, но, как видно,
жизнь спешит, как и слово, прочь...
Ограничена кухней свобода.

Двое деток за руки ведут.
Чай полночный мы пили тут –
почти на земле и почти у Бога.

Целовались. Чтоб губы – усталые!
И головою касались плеча,
чтоб луна, очень тихо звуча,
наши щеки сребрила впалые.

6

Я втиснут в прямую линию.
Ослиной шкурой грозит мне осень.
Сносит меня по течению, сносит.
Проседь уже. Ночную лилию
луны стыдливо прячу между строк.
Урок учу многотерпения:
теченье рук твоих мне впрок
дарит бессмертные мгновенья.
Но я все тише и кратчайшее,
прямолинейный виртуозно.
Чуть грозно, невзначай,
«на чай» себе весну дарю. Не поздно ль?

7

Твои звонки через ночь соединяют

затмение луны с затмением души.
И – просветленность сердца! Все – ты!
И образы стихов забытых воскресают!
Чтоб ад пеленочный наш сокрушить.

Чтоб жить среди печальной пустоты
и радоваться маленькому чуду
рождения детей. И быть счастливыми
от сессии до сессии. От глаз моих
до глаз твоих.
Когда повсюду
убийство слов, стихов полночных срывы,
которые необходимы
для нас, пока еще, живых.

8

Ночь с льдинкою луны в зубах
прочь крадется мимо тебя и меня,
удары сердца, расставляя запятыми.
Архитектура утра будет снова груба:
сначала бледного просвета струна,
потом кирпичи волн золотые.
Потом уголек солнца ветер раздует.
Травы распрямят свои спины.
Деревья достанут свои смычки.
И чадушек наших разбудят

хлопки крыльев птиц за окном,
похожие на тычки
выстрелов в затылок.
Не бойся, дорогая...

9

Я западаю в тебя, а ты западаешь в меня.
И Западом нас не напугать!
И – с право на лево, как с Востока на Запад!
И – упрямо от ночи до дня!
Через заклятья. Ни лицом на Восток.
Пусть – туга!
Пусть – пурга! Пусть – не заповедь!
Я сегодня – темь! Я сегодня – темень!
Я сегодня темный от чувств. Но рукою-лучом
прикоснись ко мне, и – забрезжит рассвет!
Никогда не скажу: «Ты – темнуха».
Не затухну всю ночь! А потом,
когда утром забредит оконный просвет,
я прозрею в тебя.
Ты научишь губами меня говорить
и в зрачках наших тысячи лун сгорит.

10

Пропал мой голос, как про-падают листья

сквозь осень и – меня.
Как пропадает бездомный пес
от одиночества. Как быстро
пропал я на скакалке дня,
приняв житейской суеты «прыг-скок» всерьез.
Пропал мой голос. Я молчу.
Жду слез. Жду рук твоих.
Жду плеч. Жду губ. Жгу факела своих стихов.
Вот-вот я научусь
восторженности зрячих, но глухих.
Вот-вот наступит мой Покров.
Ну, а пока, я про-падаю, сквозь сотни лет –
В тебя. И счастлив, ибо знаю,
что завтра – глаз твоих рассвет!

11

Я о любви писать не устаю.
Листая ночь страницей одеяла,
немало я прочел прекраснейших поэм.
А всем ханжам, с отпавшими устами,
перстами в спину жалящим, у коих дьявол
альый во рту живет – им всем! –
рекомендую сих стихов крепленных не читать,
молчать по три часа на дню.
«Адью!» - сказать всем женщинам на свете

и ... через неделю он станет почитать
мечтателей. Потом, еще через одну,

к вину потянется. И вот, однажды, на рассвете,
поверьте (такова судьба!),
в поэты посвятит себя.

12

Обезручило сердце. Обеззвучила осень.
Только – чу! Кто сквозь вечность немой?
И восторг, и тоска этот взгляд!
Как волна, он возносит.
И он – мой. И – не мой...
Чей за мною свершился пригляд?
Кто из зыбки, так зыбко влечет?
И – я верую! Осязаем, как боль!
Преклоняюсь пред чудом полночного чада.
Он лишь домисел мой. Мой – нечет.
Быть собою дозволю
с тобой рядом?

А в ответ, лишь: «Агу!».
Что ж, его я в стихах для тебя сберегу...

Шмели прилетели, шмели!
И верба светится,
ликуя прозрачным крылом!
Давно ли метели пели –
холодные белые птицы,
а мир уже – невесом.
Садится бабочкой на лоб.
Гадает по ладони.
Плачу государству налог
горстями теней,
а стихами – милой.
Потому что – весна!
Потому что шмели прилетели.
И жизнь поцелуями мерим.
И летим, летим над землей
стрекозою светящейся вербы.

Ты неожиданна, как снег в июне.

Безумнее январского дождя.
И каждый раз – рас-путица...
Бес-путица моя! Лишь, словом дунешь,
распутовщины пути облетят.
Лишь закричишь: «Распни!». И –
нежная распущенность.
И – рук запутанность.
И – стонет кто-то под лицом.
Но – не подлец: вновь чмокает титеньш.
И снова жив, как-будто:
хочется писать. Ведь над листом –
над пропастью – ты клонишь, клонишь...
Вот-вот в стихотворение сорвусь,
чтоб прочесть тебя всем нежным наизусть.

Содержание:	
От автора	3
Ночной приют странников	6
Безустый евангелический петух	19
Вечерний друг	35
Вкус соленых губ	50

Александр Гордин

**Ночной приют
странников**

СТИХИ

Редакция автора

Рисунки С. Соловьев, Ю.Скорняков,

В.Быргазов, Г. Кузьмин

Технический редактор В.Тихомиров

Макет-оригинал В.Тихомиров

Самиздат

«Без тормозов»

Сдано в набор 31.03.07. Подписано в печать 1.04.07.
Формат 62×84 ¹/₃₂. Гарнитура Times. Бумага офсетная.